

Ночь, словно густая тушь, залила бескрайний небосвод.

Постепенно остывающая температура смыла дневную суету, а осевшее время заполнилось цветами неоновых огней. В одном из уголков шумного города тихо стоял элитный жилой комплекс, настолько тихий, что изнутри не просачивался свет, и снаружи тоже.

Щелчок.

В тишине комнаты раздался звук зажигалки, и вскоре в темноте замигали крошечные огоньки, сопровождаемые несколькими струйками дыма.

Кх-кх, кх-кх-кх...

Глубокий мужской голос нарушил холодную тишину воздуха. Легкий ветерок поднял шторы на окнах, заливая комнату лунным светом, который осветил разбросанные по столу окурки и прояснил черты лица мужчины.

Это было мужественное лицо с резкими чертами: брови, словно острые мечи, ясный взгляд, высокий нос и слегка сжатые губы. Однако растрепанные черные волосы и небритая щетина, казалось, давно не знали ухода, придавая ему ауру усталости и опустошенности.

Мужчина был высоким, и через расстегнутый ворот его рубашки виднелось крепкое телосложение. Мускулы на его руках были пропорциональными, но не слишком выделяющимися, создавая изящные линии. Он сделал последнюю затяжку и затушил сигарету в пепельнице, затем взял в руки пожелтевший дневник, нежно поглаживая имя на обложке — Шу Байчуань.

Этот дневник не принадлежал ему, но его владелец когда-то был его лучшим другом, его братом. Однако из-за недоразумения он отрекся от этой дружбы на целых десять лет...

Имя мужчины было Чэнь Хаосюань.

Сейчас его задумчивый взгляд уже провалился сквозь годы, погрузившись в пучину воспоминаний.

Десять лет назад.

Бум!

Кулак ударил по плоти, и Чэнь Хаосюань нанес мощный удар правой рукой по лицу Шу Байчуана.

— Черт возьми, Шу Байчуань! Это то, что ты называешь дружбой на всю жизнь?! Ха?!

Чэнь Хаосюань схватил Шу Байчуана за воротник, притянув его ближе, и пристально смотрел в его глаза, ожидая увидеть хоть каплю раскаяния.

Но он был разочарован, очень разочарован. Шу Байчуань продолжал улыбаться так же мягко, как будто это не он только что обнимал девушку своего лучшего друга.

— Чэнь Хаосюань! Почему ты ударил его?!

Резкий женский голос раздался в воздухе. Это была Сюй Юаньюань, девушка, которая должна была быть с Чэнь Хаосюанем, но сейчас она с беспокойством бросилась к Шу Байчуану,

осторожно осматривая его распухшую щеку.

Чэнь Хаосюань глубоко вдохнул и медленно, четко произнес:

— Сюй Юаньюань, ты спрашиваешь, почему? А я хочу спросить тебя, чьей ты вообще девушкой была, а?! Ты сказала мне, что устала и не хочешь выходить, только для того, чтобы обниматься с моим лучшим другом?! А?!

Сюй Юаньюань подняла подбородок, словно гордая принцесса, и сказала своему бывшему рыцарю:

— Теперь я не хочу больше тебя обманывать. На самом деле, с самого начала мне нравился Шу Байчуань. Если бы он не отвергал меня, зачем бы мне притворяться, что я влюблена в тебя?

Чэнь Хаосюань поперхнулся, почувствовав тошноту, и саркастически ответил:

— Так что теперь, когда твой принц принял тебя, я, эта ступенька, могу быть отброшен, да?

Сюй Юаньюань на мгновение замерла, взглянула на Шу Байчуана и, увидев, что он не возражает, почувствовала уверенность, взяла его за руку и сказала:

— Да, как бы то ни было, я надеюсь, что ты нас благословишь.

Шу Байчуань не отстранил руку Сюй Юаньюань, но его взгляд на Чэнь Хаосюаня был туманным, словно он колебался.

Чэнь Хаосюань сорвал с шеи нефритовую подвеску и с силой бросил ее на пол. Подвеска разлетелась на куски, рассыпавшись по полу.

— Между нами все кончено, как и эта подвеска. С этого момента дружбе между нами конец!

Сказав это, Чэнь Хаосюань без сожаления развернулся и ушел.

За его спиной Шу Байчуань медленно сжал кулаки.

Эта подвеска была подарена Шу Байчуанем Чэнь Хаосюаню на его шестнадцатый день рождения, и тот всегда носил ее на шее.

Шу Байчуань подумал: возможно, он больше никогда не сможет прикоснуться к этому человеку, к единственному свету в его жизни...

На этом воспоминания резко оборвались, и дневник Шу Байчуана также закончился.

Чэнь Хаосюань не мог представить, насколько Шу Байчуань ценил его, если он стал для него «единственным светом в жизни». Насколько сильно Шу Байчуань дорожил им, если в дневнике он посвятил три четверти текста описанию их совместных моментов... Те, что он помнил, и те, что забыл, все было собрано Шу Байчуанем и превращено в слова, высечено в рисунках.

Да, рисунки. В последних страницах дневника Шу Байчуань нарисовал несколько эскизов Чэнь Хаосюаня, датированных его шестнадцатым, семнадцатым, восемнадцатым днями рождения...

Чэнь Хаосюань никак не мог поверить, что Шу Байчуань, так дороживший их дружбой, мог предать его ради женщины.

Однако, судя по последним записям в дневнике, Чэнь Хаосюань мог уловить намеки на правду — по крайней мере, Шу Байчуань всегда избегал ухаживаний Сюй Юаньюань, и в тот день именно она сама пригласила его и бросилась к нему...

Но почему Шу Байчуань не объяснился? Чэнь Хаосюань не нашел ответа в дневнике. В записях Шу Байчуаня были только факты, но не чувства — и каждая строка, казалось, была окутана туманом, скрывая истинные мысли автора между строк, делая их недоступными для понимания.

А тот, кто мог бы дать Чэнь Хаосюаню ответ, уже ушел, оставив после себя лишь холодный надгробный камень.

26 января — это день, который Чэнь Хаосюань никогда не сможет забыть.

В тот день он получил звонок с другого берега Атлантики от незнакомого мужчины, чей голос был полон грусти и слез:

— Вы Чэнь Хаосюань?

— Да, это я. А вы кто?

Мужчина резко прервал его вопрос:

— Байчуань умирает. Какие бы разногласия у вас ни были, пожалуйста, приезжайте, чтобы увидеть его в последний раз. Даже в бреду он повторяет ваше имя...

Сердце Чэнь Хаосюаня сжалось от боли, и запечатанные воспоминания с силой вырвались наружу, как кадры из фильма, мелькая перед глазами — от знакомства до дружбы, от дружбы до разрыва... Когда Чэнь Хаосюань пришел в себя, в ушах оставались только слова: «Он умирает».

Молчание Чэнь Хаосюаня заставило мужчину подумать, что он отказывается, и он с гневом сказал:

— Чэнь Хаосюань, неужели ты действительно настолько жесток?! Байчуань умирает, умирает! Ты хочешь, чтобы он ушел с сожалением?! Ладно, считай, что я не звонил.

— Подождите, — Чэнь Хаосюань остановил его, прежде чем тот повесил трубку. — Где... он?

Из Китая, через Малакку, Бангладеш, Коломбо, Индийский океан, Мозамбик, Атлантику, спустя 16 часов, преодолев 13 часовых поясов, Чэнь Хаосюань ступил на землю страны М, где вокруг были только люди с золотыми волосами, голубыми глазами и белой кожей.

Чэнь Хаосюань позвонил незнакомцу, но тот не взял трубку.

Он позвонил снова, но опять без ответа...

В итоге, покружив по аэропорту и не найдя никого, кто бы его встречал, Чэнь Хаосюань снял номер в ближайшей гостинице и остался там.

Вечером пошел мелкий дождь.

Чэнь Хаосюань держал в руке телефон, на который звонили, но где слышалось только «абонент временно недоступен», и смотрел на серое небо за окном. Чувство подавленности и тревоги

постепенно нарастало. Его шестое чувство всегда было ненадежным, и на этот раз он надеялся, что оно снова ошибается.

Вибрация в руке заставила Чэнь Хаосюаня вздрогнуть, как испуганную птицу. Он даже не посмотрел на экран и сразу же ответил:

— Алло? Это вы?

На другой стороне линии наступила пауза, прежде чем мужчина медленно ответил:

— Байчуань ушел. Он не хотел, чтобы ты видел его в последний раз. Через несколько дней будут его похороны. Если хочешь, приходи.

Чэнь Хаосюань никогда раньше не чувствовал, что телефон в его руке может быть таким тяжелым.

<http://bllate.org/book/16725/1537865>